

УДК 811.161.1

DOI 10.52452/19931778_2024_3_183

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ СУМАСШЕСТВИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX в.
(на материале повестей «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя,
«Доктор Крупов» А.И. Герцена и «Палата № 6» А.П. Чехова)**

© 2024 г.

*О.Е. Вороничев,¹ А.О. Вороничева²*¹Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, Брянск²Брянский государственный инженерно-технологический университет, Брянск

nastycrow@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.04.2023

Представлены результаты исследования, основным методом которого стало непосредственное наблюдение над стилистическими функциями и свойствами различных типов маркеров сумасшествия и описание особенностей их функционирования в текстах русских повестей XIX в. Кроме того, применялись анализ научно-теоретических источников, структурно-семантический метод, основанный на индукции; сравнительно-сопоставительный метод, а также методы контекстуального и семантико-стилистического анализа. Всё это позволило выявить, описать и классифицировать маркеры сумасшествия различных языковых уровней в трёх русских повестях XIX в.

Ключевые слова: языковой маркер, сумасшествие, повесть, русская проза XIX в., «Записки сумасшедшего», «Доктор Крупов», «Палата № 6», Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, А.П. Чехов.

Мотив сумасшествия – один из наиболее популярных в мировой художественной литературе. Сегодня к феномену сумасшествия активно обращаются различные исследователи, но, как правило, их работы выполнены в русле литературоведения или философии («Тема безумия в русской прозе XX века (1900–1970-е гг.)», М.А. Хазова, 2017; «Эпистемология болезни Мишеля Фуко: безумие как истина человека», А.В. Билибенко, 2013; «Учение о сумасшествии в философии Г.В.Ф. Гегеля», А.В. Вавилов, 2016).

Из работ, посвящённых языковому аспекту понятия «сумасшествие», написанных за последние годы, мы можем назвать только диссертацию М.В. Туриловой «Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке» (2010). Между тем для исследователя-лингвиста особую ценность представляют языковые средства, при помощи которых данный мотив эксплицируется в художественном тексте.

Кроме того, маркеры сумасшествия в художественном тексте на сегодняшний день, в отличие от, например, маркеров ирреальности (А.А. Кретов, Е.С. Попова), совершенно не изучены. Этим обуславливается актуальность нашего исследования.

Под маркером в лингвистике традиционно понимается какая-либо языковая единица, указывающая на определённую функцию или свойство: маркированный – («обозначенный, отмеченный, оформленный, положительный»). Имеющий явное (положительное) языковое выра-

жение; характеризующийся наличием коррелятивного признака» [1]. В последнее двадцатилетие понятие маркера активно используется для проведения исследований в различных областях филологического знания. В качестве примера можно привести работы Е.К. Пигровой «Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи» (2001), Е.С. Поповой «Маркеры ирреальности во французском языке», С.В. Когут «Дискурсивные маркеры как отражение своеобразия естественнонаучной и научно-гуманитарной картин мира» (2014) и др.

В нашем исследовании маркерами сумасшествия мы будем называть различные языковые средства, выражающие в тексте идею сумасшествия. В процессе выявления подобных языковых средств мы будем опираться на уровневый подход, который предложил А.А. Кретов при классификации маркеров ирреальности. Последние исследователь разделил на три большие группы в зависимости от их принадлежности к тому или иному уровню языковой системы: лексические, грамматические и маркеры уровня текста (цит. по: [2, с. 51–159]).

Персонажам, страдающим помешательством, во многих произведениях мировой литературы традиционно отводилась особая роль: они нередко становились резонёрами, говорящими то, что не всегда способен произнести вслух «психически нормальный», «здравомыслящий» герой того или иного произведения, – правду о других действующих лицах или событиях. При этом в западной классической литературе мотив

сумасшествия нередко сближается с мотивом шутовства, что выразилось в таких образах, как, например, шут в трагедии У. Шекспира «Король Лир», Вамба и Шико в романах «Айвенго» В. Скотта и «Графиня де Монсоро» А. Дюма соответственно и др. Шуты, пользуясь своим статусом и не опасаясь расправы, тоже нередко «открывают глаза» господам на истинное положение вещей.

Вместе с тем в русской православной культуре этот феномен имеет не только особое, а сакральное значение, поскольку сумасшествие ассоциируется с богоизбранностью: в ментальных представлениях народа устами сумасшедшего (юродивого, блаженного) говорит сам Бог. Именно поэтому хорошо знающие и чуствующие православные традиции русские писатели-классики вкладывают в уста персонажей-сумасшедших, не стеснённых рамками светского этикета, фразы, которые могут восприниматься как божественное откровение – правда, метко или беспощадно обнажающая различные пороки людей определенного типа и общества в целом: деспотизм, чиновничество, лицемерие, алчность, мздоимство и др. Так, в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» автор устами юродивого Васи обличает царя Ивана Грозного в главе «Казнь»: *«Что это у тебя, Ивашко? У тебя рога на лбу! У тебя козлиные рога выросли! И голова-то твоя стала песья!»* [3, с. 249].

В данном отрывке Иоанн посредством упоминания о рогах на лбу уподобляется дьяволу, а последнее риторическое восклицание в этом фрагменте создаёт отсылку к образу опричника, неизменным атрибутом которого была собачья голова. Однако здесь замечание блаженного о том, что голова царя «стала песьей», – скорее, намёк на полное расчеловечивание последнего и на его звериную сущность, что также роднит этот образ с образом антихриста, называемого в Библии зверем.

В русской классической литературе, на наш взгляд, можно выделить два типа героев-сумасшедших: 1) сумасшедший согласно медицинскому диагнозу (к ним относятся как вышеупомянутый юродивый Вася из романа «Князь Серебряный» А.К. Толстого, так и все герои, о которых мы будем говорить далее в нашей работе, – Поприщин из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя, Лёвка из «Доктора Крупова» А.И. Герцена, пациенты из «Палаты № 6» А.П. Чехова и др.); 2) сумасшедший согласно оценке его поведения в консервативно-прагматическом обществе (Чацкий в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», разнообразные герои-чудаки в литературе советского периода – например, в рассказах В.М. Шукшина «Чудик»,

«Микроскоп», «Сапожки» и др., персонажи которых, по сути, представляют собой тип, восходящий к фольклорному образу Иванушки-дурачка).

С этих позиций князь Мышкин, главный герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот», действительно сошедший с ума в финале романа, представляется нам переходным типом.

Материалом для нашего исследования послужили тексты трёх русских повестей, написанных в разные годы XIX в., – «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Доктора Крупова» А.И. Герцена и «Палаты № 6» А.П. Чехова. Во всех трёх проанализированных нами произведениях присутствует основанная на приёме типизации мысль о том, что общество психически больно и принципы, на которых оно устроено, порождают всё новых и новых сумасшедших, создавая тем самым «замкнутый круг». Таким образом, сумасшествие из психологической проблемы превращается в социальную.

В «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя лексические маркеры сумасшествия можно разделить на две тематические группы: 1) Аномальность и 2) Собственно сумасшествие. К первой из них будут относиться отдельные лексемы или фразеологические единицы, свидетельствующие об атипичном поведении главного героя произведения. Это, например, существительное «ералаш» из фрагмента *«Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой?»* [4, с. 157], представляющего собой вопрос начальника отделения, обращённый к Поприщину, или употреблённые вместе с отрицательными местоимением «никто» и частицей «не» глаголы «видывал» и «слыхивал»: *«Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал»* [4, с. 159] из записок самого Поприщина. Все названные языковые средства говорят об аномальном характере происходящего и представляют собой скорее намёк на постепенное помешательство главного героя.

Ко второй тематической группе относится слово «сумасшедший», которое может являться как существительным, употреблённым в «сильной позиции текста» – в заглавии «Записки сумасшедшего», так и прилагательным – например, в словосочетании «сумасшедший дом»: *«Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом»* [4, с. 170].

В последнем приведённом нами отрывке мы видим характерное для Гоголевского текста взаимодействие маркеров сумасшествия различных языковых уровней: лексический маркер вза-

имодействует с текстовым, под которым в данном случае мы подразумеваем иронию, ведь цитируемый нами фрагмент «Записок» представляет собой размышления Поприщина как раз в тот момент, когда он окончательно сходит с ума и приходит к выводу, что он – испанский король.

Н.В. Гоголь активно использует иронию в «Записках сумасшедшего» (например, в другом отрывке Аксентий Иванович, когда попадает в дом для умалишённых, пребывает в уверенности, что он наконец оказался в Испании: «Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские, и я вместе с ними сел в карету» [4, с. 173]), и наряду с таким приёмом, как абсурд, она эксплицирует идею сумасшествия в повести.

Примеров абсурда в тексте множество – начиная от обозначения дат («Год 2000 апреля 43 числа», «Никакого числа. День без числа», «Числа не помню. Месяца тоже не было», «Числа 1-го», «Январь того же года, случившийся после февраля», «Число 25» [4, с. 174]) и заканчивая размышлениями Поприщина: «Все это честолобие, и честолобие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это все делает какой-то цирюльник, который живет в Гороховой» [4, с. 172]. Абсурдность приведённых высказываний указывает на нереальность описываемых событий и на то, что они происходят лишь в воображении рассказчика.

Кроме того, в тексте присутствуют грамматический и графический маркеры сумасшествия. Первый из них – это окказионализм «мартобря»: «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью» [4, с. 171], а второй – очередная дата, записанная как «Чи 34 сло Мц гдао, февраль 349» [4, с. 176]. Оба этих маркера создают в тексте абсурд.

В «Докторе Крупове» среди маркеров сумасшествия на первый план по частоте употребления выходят лексические маркеры. Лексема «сумасшедший», неоднократно употребляемая в тексте, имеет в нём множество синонимов: «юродивый», «глупорождённый», «безумный», «повреждённый», «дурак». В отдельных случаях, как и у Н.В. Гоголя, лексические маркеры взаимодействуют с иронией – маркером уровня текста: «<...> даже взрослые мужики делали ему всякого рода обиды и оскорбления, приговаривая: "Юродивого (выделено нами. – О.В., А.В.) обижать не надо, юродивый – божий человек"» [5]. Причём здесь особенный интерес представляет то, что данные маркеры указывают на помешательство вовсе не «патентованно-

го сумасшедшего» Лёвки, а самих мужиков, которых окружающие считают психически здоровыми. Это помешательство заключается в том, что слова и поступки говорящих противоположны друг другу.

Кроме того, особенного внимания в данном произведении заслуживают грамматические, а именно морфологические, маркеры, участвующие в создании речевой характеристики персонажа: «глупорождённый» Лёвка говорит о себе, а порой и о собеседнике в 3-м лице: «Сенька, – говорил он, – я всю ночь ждал Сеньку», «Ты не сердит на меня? Все сердиты на Лёвку, – не сердись» (выделено нами. – О.В., А.В.) [5].

В «Палате № 6» А.П. Чехова посредством языковых единиц различных уровней выражается мысль о том, что между «сумасшедшими» и «нормальными» нет никакой разницы. Эта идея в повести выражается и посредством сюжетного хода, состоящего в том, что доктор Рагин в финале повести сам попадает в палату № 6 в качестве пациента [6, с. 34]. Поэтому речь «официально признанного» сумасшедшего Громова так же логично и правильно построена, как и речь доктора Рагина, а маркеры сумасшествия в повести весьма скупы и присутствуют только на лексическом уровне. Они представлены такими лексемами, как «сумасшедший», «душевнобольной», «больной» и «болезнь». Ср.: «Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе, потому что ваше невежество неспособно отличить их от здоровых» (выделено нами. – О.В., А.В.) [7, с. 95] (из монолога Громова), «В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность» (выделено нами. – О.В., А.В.) [7, с. 95] (слова Рагина).

Таким образом, в повести «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя представлено наибольшее разнообразие маркеров сумасшествия по сравнению с двумя другими выбранными нами для анализа повестями XIX в. Основными маркерами сумасшествия в этом произведении являются текстовые (абсурд и ирония). Также в тексте присутствуют лексические маркеры сумасшествия, представленные двумя тематическими группами – «Анормальность» и «Собственно сумасшествие», один грамматический и один графический маркер. При этом маркеры сумасшествия разных уровней языка в повести Н.В. Гоголя находятся в тесном взаимодействии.

В «Докторе Крупове» А.И. Герцена среди маркеров сумасшествия на первый план по частоте употребления выходят лексические маркеры, а на второй – грамматические, являющиеся языковыми средствами морфологического уровня, тесно связанными с грамматической

категорией лица. Случаи употребления текстовых маркеров единичны, но они, как и в «Записках сумасшедшего», вступают во взаимодействие с лексическими маркерами.

В тексте «Палаты № 6» А.П. Чехова посредством языковых единиц различных уровней выражается мысль о том, что между «сумасшедшими» и «нормальными» нет никакой разницы. Поэтому маркеры сумасшествия в повести весьма скупы и присутствуют только на лексическом уровне.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/m.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2003. 211 с.
3. Толстой А.К. Князь Серебряный: Роман; Драма; Стихотворения; Баллады; Былины; Избранные письма. Л.: Лениздат, 1982. 512 с.
4. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 3. 303 с.

5. Герцен А.И. Доктор Крупов. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0030.shtml (дата обращения: 10.10.2021).

6. Вороничева А.О., Сальникова А.К. Оппозиция «сумасшествие – нормальность» в прозе русских писателей XIX в (на материале повестей «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Доктор Крупов» А.И. Герцена и «Палата № 6» А.П. Чехова) // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Брянск, 2021. С. 28–35.

7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. 528 с.

8. Когут С.В. Дискурсивные маркеры как отражение своеобразия естественнонаучной и научно-гуманитарной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 1. С. 101–106.

9. Пигрова Е.К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. 18 с.

10. Попова Е.С. Маркеры ирреальности во французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 259 с.

11. Турилова М.В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 27 с.

LANGUAGE MARKERS OF MADNESS IN RUSSIAN PROSE OF THE 19th CENTURY (based on the stories «Notes of a Madman» by N.V. Gogol, «Doctor Krupov» by A.I. Herzen and «Ward № 6» by A.P. Chekhov)

O.E. Voronichev, A.O. Voronicheva

The article presents the results of a study, the main method of which was direct observation of the stylistic functions and properties of various types of markers of insanity and description of the features of their functioning in the texts of Russian novels of the 19th century. In addition, the analysis of scientific and theoretical sources, the structural-semantic method based on induction, the comparative-contrastive method, as well as methods of contextual and semantic-stylistic analysis were used. All this allowed us to identify, describe and classify the markers of madness of various language levels in three Russian novels of the XIX century.

Keywords: language marker, madness, novella, Russian prose of the 19th century, «Notes of a madman», «Doctor Krupov», «Ward № 6», N.V. Gogol, A.I. Herzen, A.P. Chekhov.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/m.htm> (Date of access: 20.03.2023).
2. Boriskina O.O., Kretov A.A. Theory of linguistic categorization: national linguistic consciousness through the prism of the cryptoclass. Voronezh: Voronezh state University, 2003. 211 p.
3. Tolstoy A.K. Prince Serebryany: Novel; Drama; Poems; Ballads; Epics; Selected letters. L.: Lenizdat, 1982. 512 p.
4. Gogol N.V. Notes of a madman. Collected works: in 7 volumes. M.: Fiction, 1977. Vol. 3. 303 p.
5. Herzen A.I. Doctor Krupov. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0030.shtml (Date of access: 10.10.2021).
6. Voronicheva A.O., Salknikova A.K. The opposition «madness – normality» in the prose of Russian writers of the XIX century (based on the stories «Notes of a madman» by N.V. Gogol, «Doctor Krupov» by A.I. Herzen and «Ward № 6» by A.P. Chekhov) // Questions of mod-

ern Philology and problems of the methodology of language teaching: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Bryansk, 2021. P. 28–35.

7. Chekhov A.P. Complete works and literature: in 30 volumes. M.: Science, 1977. Vol. 8. 528 p.

8. Kogut S.V. Discursive markers as a reflection of the originality of natural science and scientific-humanitarian worldviews // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2014. № 10. Part 1. P. 101–106.

9. Pigrova E.K. Metacommunicative markers in oral spontaneous speech: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2001. 18 p.

10. Popova E.S. Markers of unreality in the French language: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Voronezh, 2010. 259 p.

11. Turilova M.V. Genetic and motivational characteristics of the lexico-semantic field «madness» in the Russian language: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences, M., 2010. 27 p.